

Владимир Алексеев

О вступлении Ирана в ШОС и в БРИКС

В нынешнем многополярном мире даже очень крупной мировой державе трудно проводить эффективную внешнюю политику и обеспечивать свои национальные интересы, будь то политические, военные или экономические, без опоры на дружественные страны или просто партнеров. Причем, как правило, речь идет не только о дву-

стороннем взаимодействии, но и об участии в глобальных и региональных организациях. И уж тем более это актуально для региональных держав, одной из которых является Иран. Особенно на нынешнем этапе, когда украинский кризис и «арабские революции» создали совершенно новые международные реалии, а США отчаянно пытаются сохранить за собой роль мирового гегемона, международного жандарма и главного «защитника» демократии.

Действуя грубо, зачастую прибегая к военной силе и шантажу, навязывая свои ценности и свое мнение, Вашингтон фактически за короткий срок вернул мир к состоянию «холодной войны» и конфронтации во всех сферах. Американцы пытаются сделать односторонние санкции, вводимые в обход СБ ООН, инструментом подчинения себе тех государств, которые не хотят следовать в фарватере американской политики. Именно поэтому для Ирана чрезвычайно важно найти свое место в существующих международных и региональных структурах безопасности и сотрудничества, окружив себя партнерами и союзниками на основе общности интересов и взаимном уважении. Тем более что Тегеран стоит на пороге снятия международных финансово-экономических санкций, введенных по инициативе США западными странами через Совет Безопасности. Ирану нужно определиться, с кем идти дальше, чтобы вновь не оказаться в изоляции. Ведь до сих пор, помимо членства в ООН, ОИС, и малоэффективной ОЭС, ИРИ не состоит в других глобальных и региональных союзах и альянсах.

Надо преобразовать ССАГПЗ в ССГПЗ

Конечно, идеальным для Ирана, как, впрочем, и для Ирака, было бы вступление в ССАГПЗ (Совет сотрудничества арабских стран Персидского залива), который сейчас объединяет 6 арабских государств Персидского залива. И тогда бы этот Совет превратился в полноценную региональную структуру, обеспечивающую мир, безопасность и сотрудничество в этом регионе, а не служащую инструментом реализации региональных амбиций преимущест-

венно Саудовской Аравии, которая видит в ИРИ своего главного соперника и конкурента. Тогда бы произошла трансформация ССАГПЗ в своего рода ОБСЕ для стран Персидского залива с возможным подключением к организации в качестве наблюдателей или ассоциированных членов важных внешних игроков, таких как Россия, США, КНР, Индия, Германия, Франция и Великобритания. Но это на данном этапе совершенно нереально, учитывая антииранскую направленность ССАГПЗ и его опору в сфере безопасности исключительно на США.

Шиитская ось — тупиковый вариант

Есть другой вариант — формирование оси шиитских стран в составе Ирана, Ирака и Сирии. Но этот путь в долгосрочном плане является тупиковым, так как любые союзы на конфессиональной основе обречены на неудачу. Хотя в краткосрочном плане, как это происходит сейчас, когда необходимо отражать вооруженное наступление радикальных суннитских формирований типа ИГИЛ при их поддержке внешними силами, такой союз, прежде всего в плане военного и разведывательного взаимодействия, вполне оправдан. Тем более что по объективным причинам «шиитской дуге» симпатизируют Россия и Китай, не заинтересованные в победе террористов и экстремистов в Сирии и Ираке.

В этой связи, как представляется, Тегерану можно было бы использовать уже действующие организации, в которые входят страны, стремящиеся противостоять агрессивному курсу США в сферах своего традиционного влияния и развивать многоплановое торгово-экономическое сотрудничество перед лицом доминирования западных финансовых структур типа МВФ и МБРР, где командует Вашингтон. Речь идет в первую очередь о ШОС и БРИКС. Ведь не вступать же ИРИ в НАТО? Тем более что там Иран никто не ждет, а мощных прозападных соперников в регионе хватает — прежде всего в лице Турции и Саудовской Аравии.

Членство Ирана в ШОС кардинально изменит ее политический вес

Участие в ШОС в качестве полноправного члена, а не наблюдателя, отвечает целям региональной политики Ирана. Это будет способствовать повышению экономического потенциала ИРИ, в том числе через превращение этой страны в энергетический и транспортный центр региона. Иран имеет для этого удачное географическое местоположение, богатые природные ресурсы, особенно нефтяные и газовые, опыт перевода экономики на рыночные основы с сохранением системы социальной защиты населения. Более сомнительным является выдвигание ядерной программы в качестве национальной задачи. Конечно, реализация ядерной программы усиливает авторитет и влияние Ирана в регионе, но и усиливает уязвимость ИРИ, так как является поводом для вмешательства в дела самого Ирана, нажима на сотрудничающие с ним страны. Тем более, что уже давно очевидно — главной целью США в отношении Ирана является не его ядерная программа, а смена существующего там режима. Вашингтон будет использовать нормализацию отношений с Тегераном и снятие с него санкций для укрепления позиций иранских прозападных

либералов с целью организации затем «цветной революции» в Иране. Реализация этого «проекта» облегчается не только тем, что в стране существует оппозиция, но и наличием пестрой этнической структурой населения, что усиливает опасность развития сепаратистских движений. Поощрение таких движений извне может привести не только к смене режима, но и распаду страны. В решении этой проблемы именно Россия и Китай, являющиеся тяжеловесами ШОС, способны оказать необходимую поддержку ИРИ, так как они сами являются в долгосрочном плане целями США в плане «цветных революций» и разжигания религиозно-этнической розни, и имеют опыт противодействия такого рода американским замыслам.

В свою очередь, участие Ирана в ШОС может оказаться продуктивным для ее отношений с исламским миром, прежде всего через ОИС, а также благодаря связям Тегерана с исламскими организациями, действующими в разных странах. Опыт прошедшего десятилетия достаточно отчетливо показал, что воздействия Ирана на ситуацию в регионах в основном имело стабилизирующий характер. Тегеран неоднократно демонстрировал свою способность и готовность конструктивно участвовать в урегулировании региональных конфликтов. Особенно полезным для стран ШОС может оказаться использование экономического потенциала Ирана, прежде всего для укрепления коллективной энергетической безопасности. ИРИ располагает нефтью (четвертое место в мире), газом (второе место в мире). Имеет развитую в регионе сеть железных и шоссейных дорог, которая связана с большинством стран-членов ШОС. В последние годы активно ведется модернизация портов, особенно в Персидском заливе. Да и в целом Иран занимает стратегически важное географическое положение на стыке путей с Запада на Восток, из Южной Азии в Европу. А в области безопасности Иран имеет богатейший и бесценный опыт в борьбе с наркотиками и наркотрафиком из Афганистана. Кроме того, присутствие Ирана в ШОС в качестве полноправного члена может усилить организацию в плане противостояния амбициям США на Ближнем и Среднем Востоке, в зоне Персидского залива, в Аравии, Закавказье и в Центральной Азии. Иранское участие в организации может эффективно использоваться странами ШОС и в качестве средства давления на США. Присутствие Ирана в ШОС усиливает исламскую составляющую Организации и может стать фактором продвижения интересов России и КНР в исламском мире и ОИС, где пока преобладает влияние консервативного блока арабских стран во главе с Саудовской Аравией.

Наиболее болезненный вопрос для роли Ирана в ШОС — его ядерная программа. Однако это прежде всего головная боль главным образом для США и Израиля, а не для ШОС, члены которой (из наблюдателей только Иран, кстати, как и члены ШОС) являются участником ДНЯО. В любом случае, Россия и государства ШОС заинтересованы в том, чтобы не допустить военного вмешательства в Иран под предлогом ликвидации его ядерной программы. Для Москвы в ее стремлении не допустить военного варианта против ИРИ преобладают не столько экономические соображения, сколько стремление избежать регионального конфликта. Угроза развития национальных сепаратистских движений в Иране с достаточно высокой долей вероятности приведет к их развитию практически во всех странах ШОС, в т. ч. в России. У Китая, конечно, преобладает заинтересованность в Иране как в источнике энергоресурсов.

Следует признать, что в условиях исламского правления в Иране России худо или бедно удалось найти во взаимоотношениях с ИРИ необходимый баланс, при котором соблюдены политические и экономические интересы РФ. Но сейчас, прямо на наших глазах ситуация резко меняется. Вашингтон стремится использовать переговоры с Тегераном для вытеснения из ИРИ России и КНР. Поэтому Москве и Пекину нужно четко понять, что в случае изменения характера власти в Иране и усиления в нем позиций США, российские и китайские интересы в ИРИ могут быть значительно потеснены. Поэтому настало время найти новые формы сближения с Тегераном, не только с помощью механизма двустороннего сотрудничества, но и путем принятия Ирана полноценным членом ШОС.

БРИКС с Ираном станет реальным противовесом G7

Если ШОС важен Ирану с точки зрения регионального сотрудничества, то на глобальном уровне его потребностям отвечало бы вступление в БРИКС — своего рода противовес «большой семерке». Пока что с формальной точки зрения этому мешает наличие санкций, введенных ООН. Но это препятствие скорее всего в ближайшее время будет устранено. Другое дело — отношение к присоединению ИРИ к этому союзу стран с быстро развивающимися экономиками самих его участников. До сих пор никто из них серьезно не поднимал вопроса о включении Тегерана в БРИКС. Хотя сами иранцы заявили о своем намерении сделать это еще в октябре 2013 года. «Расширение БРИКС, включая принятие новых членов, — вопрос этот не стоит на повестке дня», — сказал тогда представитель России Сергей Сторчак, комментируя желание Ирана присоединиться к клубу. Объясняя такой подход, в частности, он отметил, что сейчас БРИКС работает над созданием банка развития и резервного пула валют.

Однако в связи с изменением глобальной ситуации вследствие конфликта на Украине и «цветных революций» на Ближнем Востоке, возможно, стоило бы вернуться к заявленному стремлению Тегерана. Тем более что в экономической составляющей БРИКС на саммите этой организации в Бразилии 15 июля с.г. произошло то, о чем говорил Сергей Сторчак — созданы как банк развития, так пул валют. Уставной капитал банка развития составит 50 миллиардов долларов. Каждая страна внесет одну пятую часть. Задуманное как альтернатива Всемирному банку, это финансовое учреждение, по сообщению дипломатических источников, разместится в Шанхае, а руководить им на первом этапе будет представитель Бразилии. Банк займется в первую очередь финансированием инфраструктурных проектах в странах-членах, а впоследствии станет предоставлять займы другим развивающимся странам, не входящим в БРИКС. Что касается пула валютных резервов, то, выступая как конкурент МВФ, он будет предоставлять своим членам стабилизационные кредиты для выравнивания их торговых балансов, а также для отражения атак спекулянтов на их национальные валюты. Капитал валютного пула будет составлять 100 миллиардов долларов, из которых 41 миллиард внесет Китай, по 18 миллиардов Россия, Бразилия и Индия, и оставшиеся 5 миллиардов предоставит Южно-Африканская Республика.

Так что Иран вполне мог бы присоединиться к этим договоренностям после снятия с него санкций. Тем более что инвестиции БРИКС в иранскую эконо-

мику, прежде всего в сектор углеводородов, и создание Южного транспортного коридора существенно укрепили бы не только экономический потенциал ИРИ, но и повысили бы роль БРИКС в мировой экономике, в том числе на глобальном рынке углеводородов, ослабив при этом влияние Запада на происходящие в глобальной экономике процессы.

Став членом БРИКС, Тегеран существенно укрепил бы и свои политические позиции в системе международных отношений, учитывая возрастающую роль этого клуба в принятии решений стратегического плана. При этом выгода была бы взаимной — находясь в центре Ближнего и Среднего Востока ИРИ обеспечила бы БРИКС ключевое место в этом регионе. А голос Тегерана в мировых делах зазвучал бы значительно громче. Кроме того, вступление Ирана в эту организацию обеспечило бы ей наличие в ее рядах пока отсутствующего звена — влиятельного представителя исламского мира.

Конечно, все это на сегодня может показаться далекой перспективой, особенно то, что касается БРИКС. Хотя в реалии многое будет зависеть от наличия политической воли обеих сторон — Ирана и вышеупомянутых организаций. Видимо, Тегерану нужно действовать более активно и настойчиво. Ведь в первую очередь именно иранцы выиграют от этого. Тем более, что на вступление в ШОС и в БРИКС есть много претендентов, сравнимых по своему весу и потенциалу с ИРИ (Индонезия, Малайзия, Аргентина, Египет). Мир устал от американского диктата и хочет жить по нормам международного права, а не по понятиям Белого Дома. И сейчас самое время запускать процесс коллективного противодействия агрессивной линии США, которые отчаянно цепляются за остатки былого могущества.

